

Как один богач хотел своего сына женить

У одного богача сын был с порядочной дурью, но богач и быка женит, говорят наши старики, и верно так. Вздумал богач сына женить своего. Говорит своей старухе: «Ну как, баба, думаешь, надо при своих глазах женить!» Тая очень рада была, что старик желает сына женить, и давай его мать научать, как бы покруглей слово говорить; получше. «Смотри же, — говорит, — когда с отцом поедешь в сваты, попроворне будь, словно как духовски мужики». И он только это одно и знал, что не бояться и как бы быть посмелей.

Ну, что ж? Они приезжают к одному тоже богачу: «Ну что, — говорит, — брат, долго нам нечего калякать; надо говорить, об чем приехали». — «Ну, говори!» Тот начал говорить: «Вот, как я собственно знаю, что у вас есть барышня, а у меня есть жених, не будете ль согласны быть со мной сватом?» — «Ну, отчего, — говорит, — мы вами не брезговаем!» — «Живем мы еще как по-старинному, слава богу, и сейчас, — говорит. — Иногда случается деньги мерками мерить. Слава богу, имею шестерку рабочих лошадей». А товарищ его, кум, который был крестный тому жениху: «Ну, что ты, — говорит, — врешь! А жеребец-то на стойле четвертый год стоит! Что ж ты не считаешь? Тот разве не лошадь?» Тот прибавлять начинает: «Семь штук коров имеем». А кум опять: «Ну, что ты врешь? А две-то еще телки по третьему году ты нешто за коров не считаешь?» — «Ну, вот что, — говорит, — садитесь, чего-либо закусим».

Вот они сели за стол; раньше самоваров, конечно, не было у мужиков в тое время. Подают кусок мяса. Ну, как жених, конечно, проворный. «Вы, — говорит, — старики, погломните! Дай-ка я займусь крошить мясо». Столько не крошит, сколько в рот кладет, а другим хошь ничего не будь! Потом говорит невестин отец: «Нет, брат, так мне обсудилось, обождем до налетья отдавать».

Приехали они домой. И говорит жених матери: «Ну, матушка, и наклался же я мясом в два ряда, хотя невесту и не засватал. Ужинать не хочу!» — «Как же это так?» — «А так, — говорит, — я как попроворней, взялся я мясо крошить, большую часть сам поел!» — «Чем же ты крошил?» — «Вот еще чем! Да ножиком!» — «Эх ты! Так я тебя научаю быть попроворнее? Ты ж бы спросил вилки и ножик, а пальцы в рот не позволял бы лизать при

компании!» — «Ну, ладно! Буду знать впредь».

Поехали к другому. Приезжают тоже к богатому. Богач, понятно, по-богатому! Жених хорошо матернино слово помнит. Тут их потчуют опять: «Сядьте-ко, — говорят, — за стол! Не жалаете ли чего закусить?» — «Нет, мы только сейчас закусывали!» — «Ну, чем же вас угощать? Баба, принеси-ка орешков! От неча делать займемся покушать». Приносит та в тарелке орехов. Тут проворный жених и говорит: «Дайте-ка мне ножик и вилку». Ножом как намерится резать, да: «Стой! — говорит. — Не так вздумал, надо вилкой поддержать!» Держит вилкой орех в тарелке, какой он намерился задержать. Как с розмаху резанет ножом, орехи все засыпались не только с тарелки, а ни одного и на столе не осталось! Чуть и тарелку не разрубил за один замах! То видит хозяин, что он вовсе дурак. «Не, брат, — говорит, — мы не отдадим нынче, не думаем отдавать!» — «Ну, что, — говорит кум, — ничего больше! Поедем домой».

Приезжают домой. «Ну, мамушка, орехов насыпали полную тарелку, кусать не пришлось!» — «Как так?» — «А так! Вы мне сказывали дома, что надо брать вилку и ножик. Мне это все было подано; я вилкой поддержал, ножом как резанул, так не только что в тарелке, на столе ничего не осталось, и тарелка чуть пополам не развалилась!» — «Эх ты, — говорит, — дурак! Ты ж бы взял горсточку да в другую руку, одну бы ты себе в карман положил, а другую бы невесте подал и сказал бы ей: «На-ка вот тебе горсточку, и эта мне горсточка! Бог знает, может, господь даст, не пришлось бы вместе жить!»

Он так и думает: «Ладно ж, мамушка, теперь буду ж умней!» — «Ну, — говорит дед, — съездим еще в село к одному такому-то; если уж неудача, то уж нынче ездить не будем!»

Тот поехал с кумом. Приезжают. Аккурат попали, ужинать сели. Оно, значит, удача: «Поехали от хлеба-соли, — думают, приехали аккурат к делу, все собрание за столом». — «Ну, — говорит, — садитесь за стол, Иван Похомов, и ты, Василий Мартынов, садись! Садись, брат, молодой человек!» Но тот, хотя не хотел садиться, столбом стоять неприлично, делать нечего — [сел] ...

Много кушанья переменяли, в конце — только хотели они вылазить из-за стола, хозяйка кричит: «Подождите, братцы, молочка волью на закусточку». Так приносит на стол молоко с киселем. Думает жених: «Ну, все не очень ел, ну уж киселя прохвачу, силен на молоко с киселем!» Да и вздумал маткины

слова. Как бы ж это попроворнее сделать? Все едят ложками, он ложку положил перед собой на стол и думает. «Нет, — говорит, — не так!» Потом вдруг цап! Горсть в одну руку, потом еще в другую. Аккурат напротив сидела на скамье невеста. «На-ка, — говорит, — барышня! Может, — говорит, — господь даст нам вместе жить — тебе горсточку и мне горсточку!» Думает, как орешки. Сам весь обрызгался молоком и товарища своего кстати обмазал. Да и этот понял, что он совсем дурак. С тем и поехали домой.

Ну, что ж? И сейчас холостой ходит. В Белом у Зарецкого, мы видали, жил; сам он это рассказывал.

(Зап. в Смоленской губ.)

Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Вып. 1-2. Изд. А. М. Смирнов. — Записки РГО, 1917, т. 44.